

МНИМЫЕ ЭТНИЧНОСТИ

Традиции этнической психологии

Было время, когда европейскому миру открылся невероятный спектр этнических общностей. Оказалось, что Запад окаймлён обширным арсеналом традиций, обычаев, ритуалов и мифов, хранимых многочисленными народами. Обозначился горизонт необычных типов поведения, ментальных навыков, бытовых подробностей. В этом многообразии исследовательская мысль стремилась обнаружить единую логику человеческой существования, общее и особенное. Возникла надежда, что, может быть, в этом кружеве жизненных эталонов обнаружится что-то, раскрывающее тайну человеческой природы. Исследователи приводили многочисленные и впечатляющие факты, которые свидетельствовали о странных ритуалах, социальных миражах и других подробностях культурной жизни разных этносов и народов. Но как объяснить эти различия в социальной деятельности многих общностей? Нельзя ли положить в основу распознавания культурных процессов философское постижение человека?

Различные аспекты межэтнических отношений породили различные блоки знаний. Они назывались по-разному: «психология народов», «психологическая антропология», «сравнительно-культурная антропология», «кросс-культурная антропология». К примеру, тот блок знаний, который в нашей стране, называется культурологией, в США именуется «социальной» или «культурной» антропологией, этнологией или даже психоисторией. Прикасаясь к иному этническому материалу, исследователи понимают, что они должны сохранить при изучении чужой ментальности должную дистанцию. Одна опасность состоит в том, чтобы не раствориться полностью в незнакомой самоидентификации. Но столь же неприемлема оценка другой ментальности по лекалам европейской культуры.

Известно, что классическая философия и психология были направлены на поиск тождества окружающих нас явлений. За множеством различных свойств и особенностей исследователи всегда искали общее основание, позволяющее выявить единство, а не только несходство этих процессов. Постмодернисты же, борясь с центризмом, ввели понятие «следа» и «различия». Эти понятия воспринимаются в некоем единстве, поскольку без «следа» нет «различия», а без «различия» нет «следа». Постоянное подчёркивание отличий не может быть абсолютной мировоззренческой установкой. Оно правомочно только в определённом философском контексте. Следовательно, сложившееся в этнопсихологии стремление во что бы то ни стало указать на уникальность традиций, языка, менталитета не может рассматриваться как окончательная цель изыскания.

Исследователи давно заметили, что культуры отличаются друг от друга. Культура древних ацтеков не похожа на древнекитайскую, египетская культура иная по сравнению с античной. Сегодня на Земле можно выделить множество локальных культур. Они разнятся и по тайне своего происхождения, и по традициям, и по внутренним особенностям. Но этнопсихология не может представлять из себя некую мозаику несовместимых друг с другом этнических идентификаций по принципу «сколько этносов, столько и картин мира». Последовательное различение, несомненно, предполагает и отыскание общих черт, сведение их в некую целостность. Спиноза справедливо указывал на то, что любое сущее хочет быть самим собой. Баобаб не испытывает стремления стать чем-то иным, допустим пальмой. Тигр не предполагает стать львом. Всё это так. Этнос тоже стремится сохранить устойчивое внутреннее ядро. Но этот процесс предполагает как отталкивание от чужого образца, так и сближение с ним.

Оценивая первые шаги этнической психологии, Густав Шпет писал: «Любое явление культурной и социальной жизни может рассматриваться

как необходимое осуществление законов этой жизни, но идея проходит через головы людей, субъективируется, и в самое объективацию вносится субъективизм. Культурное явление как выражение смысла объективно, но в нём же, в этом выражении, есть сознательное или бессознательное отношение к этому “смыслу”, оно именно — объект психологии»¹.

Этническая психология обладает необъятным материалом, но, по словам Шпета, отличается большей неясностью и в определении своих задач и в установлении собственного предмета. Наблюдения, составляющие материал этой науки, так же древни, как наблюдения родственной ей этнологии, и Геродот, Ксенофонт, Цезарь, Тацит, Страбон, Плиний должны быть названы, по-видимому, среди первых источников этнической психологии. Уже Гиппокрит пробует связать особенности народных характеров с различиями климата и географических условий.

Антропологии конца XVIII и начала XIX в. всегда тесно связывали себя с философией. Громадное значение имела идея «духа» и «народного духа», введённая, с одной стороны, философией истории Вегелина, и Гердера, с другой — превращённая романтиками в ходовое понятие, популяризированное так называемой исторической школой в учении о праве и углублённое Гегелем. Эта идея получила своеобразное истолкование в школе новой психологии Гербарта. Его последователями был заложен фундамент современной этнической психологии.

Этнические миражи

Современный мир столкнулся с новой тенденцией, в результате которой настойчиво заявили о себе так называемые этнические мнимости. Эта тема получила основательную разработку в книге Славоя Жижека

¹ Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию // Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 480.

«Щекотливый субъект»². Он показал, что глобализм относится ко всякой локальной культуре точно так же, как колонизаторы.

Они воспринимали их как «туземцев», нравы которых следует внимательно изучать и «уважать». В чём же разница? Разве представители этнической психологии занимались не тем же самым? Нет, всё дело в исходной установке. Внимание к другим этничностям в ходе глобализации легко принимает характер колониального колониализма.

«Мультикультурализм, — отмечает С. Жижек, — предполагает снисходительную европоцентристскую отстранённость и/или уважением к локальным культурам, никак не связанным с его собственной особенной культурой. Иными словами, мультикультурализм — это дезавуированная, превращённая, самореференциальная форма расизма, “расизм с определённого расстояния” — он “уважает” идентичность Другого, рассматривая Другого как замкнутое подлинное сообщество, по отношению к которому он, мультикультуралист, поддерживает дистанцию, отражающую его привилегированную всеобщую позицию»³.

Именно здесь и рождается механизм этнической мнимости. Парадокс заключается в том, что этносы продолжают существовать как таковые, они даже сохраняют собственную идентичность. Однако в глобализирующем потоке сохранность идентичности радикально нарушается. Если европоцентризм унижает этническую идентичность, то это вызывает протест и мобилизацию самотождественности. Но нейтралитет мультикультуралиста фальшив, поскольку в его позиции молчаливо отдаётся приоритет европоцентристскому содержанию.

Мультикультуралист доброжелательно относится к другому этносу. Однако этот Другой уже утратил черты подлинности. Он стерилен.

² Жижек Славой. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / Пер. с англ. С. Щукиной. М.: Изд. дом «Дело», 2014. 527 с.

³ Там же. С. 296–297.

Глобалисты поддерживают внешние формы культурной идентичности. Они не жалеют средств для того, чтобы показать мнимую выхолощенность чужой культуры. Повсеместно ведутся политкорректные битвы за права этнических меньшинств, за различные образы жизни. Но при этом капитализм продолжает своё триумфальное шествие, выветривая, обескровливая фактическое содержание этнической идентичности.

Борьба за политизацию множества этнических, сексуальных и других идентичностей разрушает все каноны. Возникает масса гибридных состояний. Открываются возможности для произвола. Даже сами факты обыденной жизни приобретают иллюзорность. Глядя на экран сегодня, мы думаем уже не столько о том, верно ли трактованы факты и события, сколько о том, были ли они на самом деле или являются произвольным вымыслом. Выветриваются идеи, теряя смысл. Идея прогресса исчезла, но прогресс продолжается. Идея богатства, предполагающая производство, испарилась, но производство как таковое существует. Телевидение продолжало бы творить образы, даже если бы человечество исчезло. Всё сексуально, политично, эстетично. Но где сама подлинность? Изображения, поставляемые средствами массовой коммуникации, никогда не умолкают: изображения сообщений должны следовать друг за другом без перерыва. Но мы всё основательнее катапультируемся в виртуальную реальность. Была ли война в Персидском заливе? Были ли ядерные испытания в Иране? Использовалось ли химическое оружие в Сирии? Из средств массовой коммуникации вы получите самые причудливые ответы на эти вопросы.

Жан Бодрийяр приводит пример о том, как конструируется призрачная реальность, выдаваемая за протокольность жизни. В 1971 г. весь мир узнал о том, что в филиппинских джунглях найдено племя тасадаи, которое на протяжении тысяч лет не вступало в контакт с другими людьми. Журналисты рассказывали о том, что данное племя живёт

фактически в каменном веке. Немедленно последовали государственные решения. Власти объявили территорию охраняемой, объясняя телезрителям, что в целях науки надо обеспечить сохранность уникального племени. Но через 15 лет на территорию без разрешения проникла группа журналистов. Они заявили, что в пещерах нет никаких жителей, что мир имел дело с мистификацией. Выяснилось, что это не случайность, а умышленная проделка. Первобытное племя было «сыграно» крестьянами из недалеко расположенной деревни. Через несколько лет появилось ещё одно опровержение. Крестьяне сказали, что они во второй раз за награду изобразили древнее племя.

Кто-то может сказать: обычный розыгрыш. Но правда состояла в том, что племя тасадаи существовало на самом деле. Его представители вели примитивный образ жизни. Пришлось опровергать только один факт — насчёт каменного века. Это уж слишком. Французский философ подчёркивает, что в современной идеологической практике невозможно отыскать абсолютный уровень реального. Иллюзия больше невозможна, потому что больше невозможна реальность. «То есть все теракты, угоны самолетов и т. д. отныне являются в некотором смысле преступлениями-симуляциями, если иметь в виду их заведомую вписанность в дешифровку и ритуальную оркестровку средствами массовой информации, заведомую известность их сценариев и возможных последствий. Короче говоря, они функционируют как набор знаков, предназначенных исключительно для своего повторения как знаков, а не для “реальных” целей»⁴.

Было бы наивно рассматривать пример с этим племенем только как этнический курьёз. Парадоксальность проблемы в том, что ни один эксперт не предвидел определённых последствий глобализации. Предполагалось, что в ходе развёртывания информационного общества индивидуальные черты локальных культур будут утрачиваться. Не

⁴ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Изд. дом «Постум», 2015. С. 33.

исключалось также, что этносы противопоставят глобализирующей тенденции стремление удержать, сохранить традиционный уклад. Однако выявилась ещё одна тенденция. Многие этносы не стали обеспечивать этническую сохранность. Они не отправились также и в «плавильный котёл». Родился феномен мнимых этничностей. В рамках конструктивизма стали возникать и заявлять о себе всевозможные миражные образования. Началось сотворение мнимых этничностей с привлечением тенденциозно трактованных исторических фактов, а в ещё большей степени иллюзорных идеологических конструкций. Эта тенденция приобретает сейчас особую актуальность и требует критического разбора.

Список литературы

- Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: Изд. дом «Постум», 2015. 240 с.
- Жижек Славой.* Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / Пер. с англ. С. Щукиной. М.: Изд. дом «Дело», 2014. 528 с.
- Чеснов Я.В.* Народная культура. Философско-антропологический подход. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014. 496 с.
- Шпет Г.Г.* Введение в этническую психологию // *Шпет Г.Г.* Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 475–574.